

Каксин А. Д.

О ТАБУ И ПОДСТАВНЫХ НАЗВАНИЯХ В ХАНТЫЙСКОМ И ХАКАССКОМ ЯЗЫКАХ

Проводится сопоставление между табу (и табуированными словами) в языках коренных народов Сибири. Для сравнения привлекается материал двух сибирских языков – хантыйского и хакасского. Это сопоставление свидетельствует об одинаковом подходе к отражению окружающей действительности, но различии в самих фрагментах лексических систем двух языков. Эта разница объясняется в основном тем, что данный фрагмент появился в языках народов, живших и живущих в разных географических условиях. Главная линия сравнения: «медвежий язык» и табуированные слова в составе хантыйского языка и «подставные слова» хакасского языка (функционирующие в основном в сфере лексики охотничьего промысла). При этом табу анализируется как запрет, связанный с магической функцией языка (речи), как явление, характерное для языков, сохраняющих лексику архаичной культуры. Из числа табуированных слов рассматриваются только те, что употребляются вместо синонимичных им слов или выражений, представляющихся неуместными на охоте и в разговоре об охоте, о поведении в «охотничьем ландшафте». В культуре ханты большое значение имеет культ медведя и комплекс мифов и обрядов, называемый «медвежий праздник» или «медвежьи игрища». Лексику, связанную с этим культом, мы и называем собственно табу. Но бывают в языках (в нашем случае – хантыйском и хакасском) и просто табуированные слова, или подставные названия, употребляемые вместо обычных слов лицами, причастными к сфере тайного, запретного, специфического (промысла).

Ключевые слова: табу, табуированные слова, фрагмент лексической системы, хантыйский язык, хакасский язык.

Словесное табу как явление в достаточной степени изучено; в самых разных языках обнаружены и описаны фрагменты, связанные с запретом на употребление тех или иных слов и выражений (Зеленин, 1929; Мусабаев, 1959; Джаббаров, 1972; Циртаутас, 1976; Яимова, 1985; Боргояков, 2001; Фрэзер, 2006; Акбаров, 2011).

Во многих работах, посвященных табу, подчеркивается его связь «с магической функцией языка (речи), т. е. с верой в возможность непосредственного воздействия на окружающий мир при помощи языка» (Леонтьев, 1990).

Таким образом, экстралингвистическая основа интересна сама по себе: понятно, что только от надежных этнографических описаний можно перейти к собственно лингвистике. В этой связи относительно ханты можно сказать, что описаний сферы табу этого народа очень много; для примера укажем только несколько работ общего характера: (Соколова, 1982; Кулемзин, 1984; Лукина, 1990; Головнев, 1995; Молданов, 1999; Медведь в культуре обско-угорских народов, 2002; Адаев, 2007; Рязанова-Даури, 2011; Vакró-Nagy, 1979).

Эти и целый ряд других источников названы в одной из последних работ на эту тему – в статье о васюганских ханты (Надь, 2015), в которой детально рассмотрены все аспекты взаимоотношений человека-ханты и медведя, и здесь приведем лишь один из основополагающих тезисов автора статьи – известного венгерского исследователя: «Взаимоотношения медведя и человека в основе своей иерархичны, и эта рефлексированная иерархия проявляется в чувстве страха. В этой иерархии медведь стоит выше человека прежде всего благодаря преимуществу в физической силе... От медведя нельзя убежать, потому что он быстрее; от него нельзя уплыть, так как он плавает лучше, чем человек; нельзя залезть на дерево, чтобы спастись от медведя, так как он взбирается вверх более ловко» (Надь, 2015: 63–640).

Можно предполагать, что обнаружение табу в том или ином языке связано с наличием в культуре народа особых отношений с каким-либо представителем животного мира, который вызывает страх. Дальнейшее распространение этого явления – появление большого по объему

разряда табуированных слов – также предсказуемо, такая лексическая группа складывается во всех языках, а различие в конкретном выражении объясняется разными условиями и способами какого-то важного, особого вида деятельности этноса, в основном – охоты. Выдающийся финно-угровед В. Штейниц писал, что представляет большой интерес охотничий язык ханты (остяков). «При охоте на некоторых диких зверей, а именно на медведя, волка, лося и бобра, нельзя употреблять обыкновенные названия для них или частей их тела, так как на них наложено табу; в этих случаях употребляются специальные термины. Особенно богат так называемый “медвежий язык” (*voj jasaŋ* ‘зверя язык’), в словарь которого входят около 100 слов, обозначающих не только самого медведя и части его тела, а также почти все предметы и действия, связанные с охотой на него тем или иным образом. В большинстве своем “медвежьи слова” носят описательный характер» (Штейниц, 1937: 225).

Далее в рассматриваемом очерке для примера приводятся некоторые слова «медвежьего языка», и мы их тоже все перечислим. При этом будем следовать схеме: что обозначается ~ слово *медвежьего языка* ‘его значение в обычном языке’. Итак, нос медведя ~ *xašŋa* ‘муравей’, лоб медведя ~ *saŋxum* ‘гора’, голова медведя ~ *woš* ‘город’, кишка медведя ~ *tiŋšaŋ* ‘аркан’, ружье ~ *sijŋ ut* ‘шумное нечто’, лук ~ *kūsi* ‘обруч’, ложка ~ *saw* ‘сорока’, лошадь ~ *warsaŋ* ‘волосатая’, щука ~ *tijaŋ ŋul* ‘острый нос’, есть (про медведя и охотника) – *woŋšti* ‘собирать’.

Возникновение этого специального «медвежьего языка» естественно связывать с выработанным ханты (совместно с родственными манси) и хорошо фиксировавшимся еще в середине прошлого века культом медведя (Чернецов, 2001: 3–4; Адаев, 2004: 15).

Упоминания о табу и табуированных словах в хантыйском языке встречаются в работах всех дореволюционных ученых; здесь приведем выдержки из работ К. Ф. Карьялайнена и А. А. Дунина-Горкавича.

«В остяцком на диалектах и сейчас встречаются устаревшие корни *jem* и *ras*, которые, вероятно, обозначают *неприкосновенность, не нарушение* существа или вещи, т. е. “святость” его по отношению к каким-либо другим или всем другим существам и вещам... В настоящее время остяк понимает под *jem* (это слово более принято, чем *ras*) все, что противоречит религиозным обычаям и установлениям, т. е. “недозволенное”, и переводит эти слова, если он их вообще знает, на русский язык как ‘грех’; это значение развилось из более раннего: прикоснуться к неприкосновенному, нарушить ненарушаемое есть *jem*, *ras* ‘грех’; посредниками в этом переходе значений были, очевидно, выражения, содержащие запреты и предостережения» (Карьялайнен, 1995: 66).

В первом томе своего труда, вышедшем в 1904 г., А. А. Дунин-Горкавич посвящает специальный раздел описанию образа жизни инородцев Тобольского Севера и в том числе пишет о воззрениях остяков на медведя следующее (цитата оформлена в современной графике): «Медведь, как сын божий, все знает, а поэтому остяки в разных житейских случаях, где по их обычаям необходимы клятвы, произносят таковые на голове и лапе медведя. Ложно поклявшийся, неправый человек всегда попадает на медведю. Но, несмотря на все это, бог велел человеку бить медведя» (Дунин-Горкавич, 1995: 94).

Медведя можно убивать, но на него не охотятся специально; напротив, встречи с медведем стараются избегать, его боятся, и, как следствие этого, возникает культ медведя, после «нечаянной добычи» / убийства зверя проводится так называемый медвежий праздник. Основу всех речей и песнопений, связанных с медведем, составляет особая лексика – табу. Отношение к другим зверям несколько иное. Они не вызывают панический страх, на них ведется охота, после их добычи не устраивается священный ритуал, они не становятся объектом религиозного культа для всего народа. Конечно, события, связанные с охотой, часто сопровождаются обрядом, но мотивировка совсем другая: в отличие от «медвежьего праздника», на котором одновременно замаливается грех и возносится хвала, воздаются почести медведю (как брату человека), обряд, связанный с охотничьим или рыбным промыслом, совершается до его начала. И во время его проведения духам данного места даётся угощение, приносится жертва.

«Приглашая местное божество принять его угощение, инородец в то же время просит его дать ему хороший и удачный промысел на этом месте. Кондинские остяки, кроме животных, приносят в жертву и птиц (напр. петуха)» (Дунин-Горкавич, 1996: 57).

Таким образом, имеется только один «общий момент»: при упоминании о некоторых животных (и в целом в разговорах на охоте) широко употребляются слова-заместители. Их мы и называем подставными названиями, или табуированными словами.

У хакасов нет культа медведя, но все же и в хакасском языке возник круг слов, составляющих специальный охотничий язык. Этот язык в свою очередь неразрывно связан с тем образом жизни, который вели хакасы-охотники. Вот, например, что пишет об охоте хакасов известный этнограф К. М. Патачаков: «Основными видами техники, которыми пользовались хакасские звероловы с давних времен для добычи зверей, были различные ловушки своеобразной конструкции, загороди, петли и сети. Позже появились кремневые ружья и капканы. ... На каждый вид зверя существовали своеобразные приёмы». Характерные способы охоты существовали на медведя, марала, лося, рысь, соболя, выдру, белку, волка (Патачаков, 2006: 10, 13–21].

Каковы бы ни были приемы охоты, все они сопровождалось исполнением охотничьих религиозных обрядов. «При тогдашней примитивной технике охоты слабо вооруженный охотник, часто подвергавшийся случайностям стихии природы, нередко голодный, в поисках зверя попадал во власть созданных его воображением сверхъестественных существ» (Патачаков, 2006: 21).

Соответственно, мы видим здесь ситуацию, во многом аналогичную описанной выше (т. е. у ханты), с той лишь разницей, что источником страха не является реальный зверь – медведь. Но в любом случае и для хакасского языка (или, лучше сказать, для предшествовавших ему тюркских диалектов) можно фиксировать важный момент появления табу и табуированных слов – они появляются вследствие наличия системы запретов и осознания непосредственной связи между предметом (некой сущностью, субстанцией) и словом: «В традиционном мировоззрении, в соответствии со всем его духом, каждое слово имеет душу. Неверное использование слов могло караться сөс ээзі (хозяином слова), поэтому отношение к родному языку было особенно бережное, осторожное» (Анжиганова, 1997: 122).

А вот что важно с точки зрения лингвиста: «В истории тюркских языков Южной Сибири большую роль играли охотничьи запреты (табу) и применение замещающих прямые переносных, метафорических названий (эвфемизмов). Со временем эвфемизмы могут вытеснить из употребления прямые (первичные) названия, как это произошло, например, с названиями: соболя – совр. региональное саяно-алтайское албыга, с вероятной внутренней формой “добыча”, полностью заменило старое общетюркское киш ~ тс, которое сохранилось только в словосочетании тс тон ‘соболиная шуба’; медведя – старое общетюркское азыг сохраняется в периферийном шорском диалекте, во всех остальных хакасских диалектах оно заместилось эвфемизмом аба “отец, дед”, и даже в шорском теперь более распространено аба» (Боргояков, 200: 20).

Итак, нас интересует общее и отличительное между двумя системами (в двух языках) в лингвистическом смысле. Общее заключается в том, что в обоих случаях просматривается основной принцип или, иначе, вполне определенная тенденция языка: заменять одни слова (или выражения) другими. Очевидно, что иерархию подходящих под этот случай единиц языка можно выстроить в зависимости от степени *сакральности* или в направлении от высокого стиля к низкому. Соответственно, можно предложить следующую градацию: собственно табу – табуированные слова (подставные названия). К числу последних относятся подставные названия в хакасском языке. «Медвежий язык» в составе хантыйского языка может служить ярким примером формирования собственно табу. Часть так называемых подставных названий хакасского языка сближается с табуированными словами, другая часть – с описательными оборотами, но все же мы согласны с их объединением в отдельную, самостоятельную

группу, поскольку они осознаются в качестве связанных с табу именно в составе данной микрогруппы (Патачаков, 2006: 28–29).

Как можно видеть из разных источников по хакасскому языку, почтительное отношение выражается не только медведю, но и волку (хотя это другая почтительность). Кроме чисто описательных выражений, приводимых в брошюре (Патачаков, 2006), с образом волка как свирепого безжалостного хищника связано образование многих сравнительных оборотов, пословиц и поговорок, содержащих указание на упомянутые «отрицательные» признаки зверя:

Пүөр волк: ... **пүөр хылыхтыг кизи** жестокий, свирепый человек; **пүөр чарымы** негодяй, подлец (*букв.* волка половина); **пүөр чох таг чоғыл, чабалы чох чон чоғыл** погов. нет гор без волка, нет народа без дурного; **пүөр – чир хулахтыг** погов. и стены имеют уши (*букв.* волк имеет земляные уши) (ХРС, 2006: 408).

Очевидно, что описательными образными оборотами следует признать следующие слова из списка К. М. Патачакова (они обозначают домашних животных и людей): узун азах ‘длинноногий’ (конь), чызыг пурун ‘гнилой нос’ (корова), маарас ‘блеющая’ (овца), узун сас ‘длинноволосый’ (поп), пас пулғас ‘головамахатель’ (шаман) (Патачаков, 2006: 28–29).

Түксек: **ахсах-түксек** собир. всякие хромые и покалеченные (*о скоте*); **ахсах-түксек мал** хромой и покалеченный скот (ХРС, 2006: 690).

Слов хакасского языка, претендующих на то, чтобы быть зачисленными в разряд табу, очень мало. Считаю, что самым «близким к табу» можно считать только одно: ағаң ‘дедушка твой’ (медведь). И слово *улаба* ‘дедушка’ (медведь), видимо, тоже должно проходить по разряду табуированных названий (и лишь в определенных контекстах – табу). Все остальные, о которых написано у известного этнографа – знатока охоты, представляются табуированными словами охотничьего языка хакасов: сөөк пас ‘костяная голова’ (белка), саарасхыр ‘соловый жеребец’ (колонок), чирік пурун ‘раздвоенный нос’ (заяц), сазах оды ‘пахучее курево’ (табак), кистіг ‘резак’ (нож), сапачах ‘топор’ (топор), атынчаң ‘то, чем стреляют’ (ружье), тоғлах ‘круглый’ (пуля), пиденген ‘замаранная’ (собака), хызарған ‘краснеющее’ (мясо), типсечен ‘то, что топчут’ (зола), сарығмай ‘желтеющий’ (дрова), хахтыг ‘таган’ (таган) (Патачаков, 2006: 28–29).

Правда, в словаре в качестве табу приводится ещё выражение, связанное с лисой: **түлгүчек ойнабызар** табу лисичка искалечит (съест) (ХРС, 2006: 691), но его, на наш взгляд, следует считать образным выражением или даже игрой в слова. В этом нет ничего особенного: часто в самых разных языках обыгрываются названия растений, животных, числа и другие символические «предметы» (Муратова, 2012: 152–153; Крюкова, 2014).

Определенно, что сфера собственно табу в хакасском языке есть. Она представлена не столь богато, как в хантыйском языке, но выделяется вполне явно, в виде части слов охотничьего языка и некоторых других слов. Вполне возможно её реконструировать. Отдельные фрагменты лексики языка могут опираться как на обыденное, «повседневное» человеческое сознание, так и на виртуальное, одним из которых является сакральное, мифологическое сознание. Можно предполагать, что и в хакасском языке достаточно отчетливо проявляется специфика формирования картины мира как мировоззренческого феномена, хотя, возможно, культура народа, говорящего на этом языке, не представляет тип «культур, сохраняющих в активе многие архаические элементы до настоящего времени» (Пушкарева, 2003: 45).

Итак, в контексте сравнения языковых картин мира адекватным представляется вывод о том, что охотничьи табу хакасского языка занимают промежуточное положение между «медвежьим языком» хантыйского языка и табу и эвфемизмами в языках многих современных народов, далеко ушедших от архаики в своей культуре. Другой вывод сводится к тому, что в области междисциплинарных исследований (в нашем случае – на стыке лингвистики и этнографии) важно правильно оценивать соотношение мифологического сознания и обыденного, прагматичного сознания в формировании отдельных фрагментов национальной языковой картины мира.

В табу и эвфемизмах наиболее концентрированно выражаются представления о запретном (или непубличном) для данного этноса. Разница между двумя явлениями в научной литературе формулировалась примерно так: табу возникло в древних обществах из-за страха называть предметы, связанные с охотой, или другие сакральные объекты («обход» запрета достигается с помощью замены одних слов другими), а эвфемизмы возникли в «новое время» и в основном представляют собой обороты, с помощью которых говорящий в завуалированной форме «подает» тему, на которую, как ему кажется, неудобно говорить в открытую в данной ситуации.

Отношения человека, животных и ландшафта специфически отражаются в языковой картине мира разных народов. Наиболее ярко, вербально указанные отношения проявляются в таких языковых единицах и синтагмах, как табу, эвфемизмы, сравнения с животными, оценочные слова и словосочетания, фразеологизмы, поговорки и пословицы. И, по нашему убеждению, эту своеобразную типологию языковых единиц и синтагм, актуальных в аспекте соотношения человека с окружающим его миром, словесные табу и эвфемизмы, действительно, могут и должны начинать: они первыми приходят на ум, если мы хотим выстроить ряд сегментов языковой картины мира, производных от национального менталитета.

Список литературы

- Адаев В. Н. Традиционная экологическая культура хантов и ненцев Западной Сибири: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2004. 17 с.
- Акбаров А. А. Табу и эвфемизмы в таджикском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Худжанд, 2011. 20 с.
- Анжиганова Л. В. Традиционное мировоззрение хакасов: Опыт реконструкции. Абакан, 1997. 128 с.
- Боргояков В. А. Лексика охоты и рыболовства в диалектах хакасского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2001. 24 с.
- Грамматика хакасского языка / под ред. Н. А. Баскакова. М.: Наука, 1975. 418 с.
- Джаббаров Х. М. Табу и эвфемизмы в азербайджанском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1972. 27 с.
- Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север: в 3 т. Т. 1: Общий обзор страны, её естественных богатств и промышленной деятельности населения. М.: Либерея, 1995. 376 с.: ил.
- Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север: в 3 т. Т. 3: Этнографический очерк местных инородцев. М.: Либерея, 1996. 208 с.: ил.
- Зеленин Д. К. Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии // Сб. Музея антропологии и этнографии. Л.: Изд-во АН СССР, 1929. Т. VIII. 151 с.
- Карьялайнен К. Ф. Религия югорских народов. Т. 2 / пер. с нем. и публ. д-ра ист. наук Н. В. Лукиной. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1995. 284 с.
- Крюкова Е. А. Числа, с которыми играют люди: числительные в контексте устного творчества кетов // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований (Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology). 2014. Вып. 3 (5). С. 9–16.
- Кулемзин В. М. Человек и природа в верованиях хантов. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1984. 192 с.
- Леонтьев А. А. Табу // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 501.
- Лукина Н. В. Общее и особенное в культе медведя у обских угров // Обряды народов Западной Сибири. Томск, 1990. С. 179–191.
- Медведь в культуре обско-угорских народов // Материалы V Югорских чтений: сб. науч. ст. / под ред. Т. А. Молдановой, А. Д. Каксина. Ханты-Мансийск: ГУИПП «Полиграфист», 2002. 145 с.
- Молданов Т. А. Картина мира в песнопениях медвежьих игрищ северных хантов. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1999. 139 с.
- Муратова Р. Т. Символика чисел в языке и культуре башкир / Институт истории, языка и литературы Уфимского НЦ РАН. Уфа, 2012. 180 с.
- Мусабаев Г. Г. Современный казахский язык. I: Лексика / Институт языка и литературы АН Казахской ССР. Алма-Ата: Изд-во АН Казахской ССР, 1959. 141 с.

- Надь З. «Все боятся медведя». Страх медведя на Васюгане в Сибири // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований (Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology). 2015. Вып. 1 (7). С. 58–81.
- Патачаков К. М. Некоторые сведения об охоте хакасов // Рукописное наследие Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Абакан, 2006. Вып. 1. 38 с.
- Пушкарева Е. Т. Картина мира в фольклоре и традиционных представлениях ненцев: системно-феноменологический анализ: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2003. 45 с.
- Рязанова-Даури В. С. Нравы и обычаи в повседневной культуре хантов и манси: дис. ... канд. культурол. СПб., 2011. 158 с.
- Соколова З. П. Путешествие в Югру. М.: Мысль, 1982. 176 с.
- Фрззер Дж. Золотая ветвь. Исследование магии и религии. М.: Эксмо, 2006. 960 с.
- Хакасско-русский словарь = Хакас-орыс сөстiк / О. П. Анжиганова, Н. А. Баскаков, М. И. Боргояков, А. И. Инкижекова-Грекул, Д. Ф. Патачакова, О. В. Субракова, П. Е. Белоглазов [и др.]. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.
- Циртаутас И. К. К вопросу о табу и эвфемизмах в казахском, киргизском и узбекском языках // Советская тюркология. 1976. № 4. С. 23–31.
- Чернецов В. Н. Медвежий праздник у обских угров / пер. с нем. и публ. Н. В. Лукиной. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2001. 50 с.
- Штейниц В. К. Хантыйский (остяцкий) язык // Языки и письменность народов Севера. Л.: Учпедгиз, 1937. Ч. I. С. 193–227.
- Яимова Н. А. Табуированная лексика и эвфемизмы в алтайском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1985. 22 с.
- Vakr6-Nagy M. Die Sprache des Bärenkultes im Ob-ugrischen. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1979. 141 S.

Каксин А. Д., кандидат филологических наук, доцент.

Институт гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии им. Катанова Хакасского государственного университета.

Хакасский исследовательский институт языка. Литературы и истории.

Ул. Ленина, 90, Абакан, Республика Хакасия, Россия, 655017.

E-mail: adkaksin@yandex.ru

Материал поступил 13.02.2016

Kaksin A. D.

ABOUT A TABOO AND FALSE NAMES IN THE KHANTY AND KHAKASS LANGUAGES

In article comparison between a taboo (and the tabooed words) in languages of indigenous people of Siberia is carried out. For comparison material of two Siberian languages – Khanty and Khakass is attracted. This comparison testifies to identical approach to reflection of surrounding reality, but distinction in fragments of lexical systems of two languages. This difference is explained generally by that this fragment appeared in languages of the people living and living in different geographical conditions. Main line of comparison: “bear language” and the tabooed words as a part of the Khanty language and the “false words” of the Khakass language (functioning generally in the sphere of lexicon of hunting). At this taboo it is analyzed as the ban connected with magic function of language (speech) as the phenomenon, characteristic for the languages keeping lexicon of archaic culture. From among the tabooed words only that are used instead of synonymous by it the words or expressions which are represented inappropriate on hunting and in conversation on hunting, on behavior in “a hunting landscape” are considered. In culture of the Khanty the cult of a bear and a complex of myths and ceremonies, the called “bear holiday” or “bear merrymakings” is of great importance. The lexicon connected with this cult we also call actually a taboo. But happen in languages (in our case – Khanty and Khakass) and simply tabooed words, or false names used instead of usual words by the persons involved in the sphere of secret, forbidden, specific (trade).

Key words: *a taboo, the tabooed words, a fragment of lexical system, the Khanty language, the Khakass language.*

References

- Adaev V. N. *Traditsionnaya ekologicheskaya kultura khantov i nentsev Zapadnoy Sibiri*: Avtoref. dis. kand. ist. nauk [Traditional ecological culture of Khanty and Nenets]. Novosibirsk, 2004. 17 p. (in Russian).
- Akbarov A. A. *Tabu i evfemizmy v tadzhikskom yazyke*: Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Tabu and euphemisms in Takzhik language]. Khudzhand, 2011. 27 p. (in Russian).
- Anzhiganova L. V. *Traditsionnoe mirovozzrenie khakasov: Opyt rekonstruktsii* [Traditional outlook Khakass: reconstruction experience]. Abakan, 1997. 128 p. (in Russian).
- Borgoyakov V. A. *Leksika okhoty i rybolovstva v dialektakh khakasskogo yazyka*: Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Hunting and fishing in Khakass dialects]. Moscow, 2001. 21 p. (in Russian).
- Grammatika khakasskogo yazyka* / pod red. N. A. Baskakova [Grammar of Khakass]. Moscow, Nauka Publ., 1975. 418 p. (in Russian).
- Dzhabbarov H. M. *Tabu i evfemizmy v azerbaydzhanskom yazyke*: Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Tabu and euphemisms in Azerbajdzhany language]. Baku, 1972. 27 p. (in Russian).
- Dunin-Gorkavich A. A. *Tobolskiy Sever: v 3 t. T. 1: Obshchiy obzor strany, eyo estestvennykh bogatstv i promyshlennoy deyatel'nosti naseleniya* [Tobol North: General review of land, and its natural resources and population productive activities]. Moscow, Libereya Publ., 1995. 376 p.: il. (in Russian).
- Dunin-Gorkavich A. A. *Tobolskiy Sever: v 3 t. T. 3: Etnograficheskiy ocherk mestnykh inorodtsev* [Ethnographic review of local aboriginals]. Moscow, Libereya Publ., 1996. 208 p.: il. (in Russian).
- Zelenin D. K. *Tabu slov u narodov Vostochnoy Evropy i Severnoy Azii* [Tabu words in the people of Eastern Europe and Northern Asia]. *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii*. Leningrad, Izd-vo AN SSSR Publ., 1929. Vol. VIII. 151 p. (in Russian).
- Karyalaynen K. F. *Religiya yugorskiykh narodov. T. 2 / perevod s nemetskogo i publikatsiya d-ra ist. nauk N. V. Lukinoy* [Religion of Jugric people]. Tomsk, Izd-vo Tomskogo un-ta Publ., 1995. 284 p. (in Russian).
- Kr'ukova E. A. *Chisla, s kotorymi igrayut ludi: chislitelnye v kontexte ustnogo tvorchestva ketov* [Numbers, the people play with: numerals in context of oral folk of Kets]. *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy – Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, 2014, no. 3 (5), pp. 9–16 (in Russian).
- Kulemzin V. M. *Chelovek i priroda v verovaniyakh khantov* [Humans and nature in the beliefs of Khanty]. Tomsk, Izd-vo Tomskogo un-ta Publ., 1984. 192 p. (in Russian).
- Leontyev A. A. *Tabu. Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar* / gl. red. V. N. Yartseva [Tabu. Linguistic encyclopedia]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1990. P. 501. (in Russian).
- Lukina N. V. *Obshchee i osobennoe v kul'te medvedya u obskikh ugrov* [Universal and unique in bear cult in Ob ugric people]. *Obyady narodov Zapadnoy Sibiri*. Tomsk, 1990. Pp. 179–191 (in Russian).
- Medved v kul'ture obsko-ugorskiykh narodov* [Bear in the culture of Ob-ugric people]. *Materialy V Yugorskiykh chteniy: sbornik nauchnykh statey / pod red. T. A. Moldanovoy, A. D. Kaksina*. Khanty-Mansiysk, GUIPP «Poligrafist» Publ., 2002. 145 p. (in Russian).
- Moldanov T. A. *Kartina mira v pesnopeniyakh medvezhyikh igrishch severnykh khantov* [Worldview in bear fest songs of Northern Khanty]. Tomsk, Izd-vo Tomskogo un-ta Publ., 1999. 139 p. (in Russian).
- Muratova R. T. *Simvolika chisel v yazyke i kul'ture bashkir* / Institut istorii, yazyka i literatury Ufimskogo NTs RAN [Symbolics of numbers in Bashkir language and culture]. Ufa, 2012. 180 p. (in Russian).
- Musabaev G. G. *Sovremenny kazakhskiy yazyk. I: Leksika* / Institut yazyka i literatury AN Kazakhskoy SSR [Modern Khazakh - 1]. Alma-Ata, Izd-vo AN Kazakhskoy SSR Publ., 1959. 141 p. (in Russian).
- Nagy Z. "Vse boyatsya medvedya". *Strakh medvedya na Vasyugane v Sibiri* [Everyone fears the bear. Fear of bear on Vasyugan in Siberia]. *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy – Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, 2014, no. 1 (7), pp. 58–81 (in Russian).
- Patachakov K. M. *Nekotorye svedeniya ob okhote khakasov* [Some information on Khakass hunting]. *Rukopisnoe nasledie Khakasskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta yazyka, literatury i istorii*. Abakan, 2006. Issue 1. 38 p. (in Russian).
- Pushkaryeva E. T. *Kartina mira v folklore i traditsionnykh predstavleniyakh nentsev: sistemno-fenomenologicheskii analiz*: Avtoref. dis. d-ra ist. Nauk [Worldview in the folklore and traditional imagery of Nenets: systemic-phenomenological analysis]. Moscow, 2003. 45 p. (in Russian).
- Ryazanova-Dauri V. S. *Nravy i obychai v povsednevnoy kul'ture khantov i mansi*: Dis. kand. kulturologii [Habbits and ways of Khanty and Mansi]. St. Petersburg, 2011. 158 p. (in Russian).
- Sokolova Z. P. *Puteshestvie v Yugru* [Travel to Yugra]. Moscow, Mysl Publ., 1982. 176 p. (in Russian).
- Frezer Dzh. *Zolotaya vetv. Issledovanie magii i religii* [Golden branch. Studies of magic and religion]. Moscow, Eksmo Publ., 2006. 960 p. (in Russian).

Khakassko-russkiy slovar = Хакас-орыс сџстїк / O. P. Anzhiganova, N. A. Baskakov, M. I. Borgoyakov, A. I. Inkizhekova-Grekul, D. F. Patachakova, O. V. Subrakova, P. Ye. Beloglazov [i dr.] [Khakass-Russian dictionary]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2006. 1114 p. (in Russian).

Tsirtautas I. K. K voprosu o tabu i evfemizmax v kazakhskom, kirgizskom i uzbekskomazykakh [On the tabu and euphemisms in Khakass, Kyrgyz, and Uzbek languages]. *Sovetskaya turkologiya – Soviet Turkologi*, 1976, no. 4, pp. 23–31 (in Russian).

Chernetsov V. N. *Medvezhiy prazdnik u obskikh ugrov* / perevod s nemetskogo i publikatsiya N.V.Lukinoy [Bear fest in Obugric people]. Tomsk, Izd-vo Tomskogo un-ta, 2001. 50 p. (in Russian).

Shteynits V. K. Khantiyskiy (ostyatskiy) yazyk [Khanty (ostjak) language]. *Yazyki i pismennost narodov Severa*. Leningrad, Uchpedgiz Publ., 1937. Ch. I. Pp. 193–227 (in Russian).

Yaimova N. A. *Tabuirovannaya leksika i evfemizmy v altayskomazyke*: Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Tabu lexicon and euphemism in Altai language]. Moscow, 1985. 18 p. (in Russian).

Bakró-Nagy M. *Die Sprache des Bärenkultes im Ob-ugrischen*. Budapest, Akadémia Kiadó Publ., 1979. 141 S.

Kaksin A. D.

**Institute of Humanitarian Researches and the Sayan-Altay Turkology
of the Katanov Khakass State University.**

Khakass Research Institute of Language, Literature and History.

Ul. Lenina, 90, Abakan, Republic of Khakassia, Russia, 655017.

E-mail: adkaksin@yandex.ru